

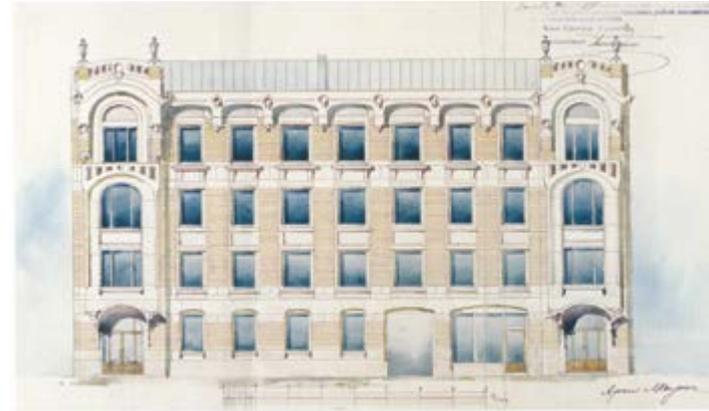
В конце XIX – начале XXI века в архитектуре происходили революционные перемены. Несколько раз менялись профессиональные парадигмы, внутри которых формировались разные представления о целях и задачах архитектуры, наборе необходимых в профессии знаний и умений, вырабатывался новый категориально-понятийный аппарат. Соответственно, менялись представления об архитектурной форме. Менялся и сам тип профессионала.

Ключевые слова: профессиональное сознание, профессиональные знания и умения, революционная смена архитектурных парадигм XX–XXI веков, авангард, сталинский ампи́р, советский модернизм, постмодерн. /

In the late 19th – early 21st centuries architecture experienced revolutionary changes. Professional paradigms changed several times. Inside those paradigms, there was a formation of different comprehensions of goals and tasks of architecture, of necessary professional knowledge and skills, and of a new framework of categories and concepts. The vision of an architectural form changed correspondingly. The nature of a professional also changed.

Keywords: professional consciousness; professional knowledge and skills; revolutionary shift in architectural paradigms of the 20th -21st centuries; avant-garde; Stalin's Empire; Soviet Modernism; Post-Modernism.

в Л. Н. Кекушев. Проект доходного дома А. Ф. и Н. Ф. Бочаровых на бульваре. 1902

Иронический экскурс / Ironic Excursus

текст

Елена Багина /

text

Elena Bagina

Что знает Ганс, то знает и маленький Гансик.

Немецкая пословица

Что знал и умел Ганс-архитектор в начале XX века? Много знал и много умел.

Мы в России, поэтому назовем его лучше Иван. Пусть немецкое имя нас не смущает. Впрочем, в архитектурной профессии в России на рубеже XIX–XX веков немцев было необыкновенно много. В журнал «Зодчий» заглянешь – почти одни немцы и писали: В. Эвальд, Е. Баумгартен, В. Шреттер... Они переживали за судьбу архитектуры, думали о том, что происходит на их глазах. Вот, к примеру, тезисы доклада профессора Корнелиуса Гурлитта, («Зодчий», 1904, № 8, с. 90) : «Классицизм отцвел, как отцветают листья на дереве к осени, как стареется человек, переживший молодость, период возмужания и подходящего волей судеб к старости. Новый стиль должен был родиться, потому что это должно было случиться, и было неизбежно. Вопрос в том, чтобы все признали красоту новых форм, может решиться лишь в тот момент, когда этот стиль победит, и все инстинктивно почувствуют, что именно это и есть прекрасное, которое отвечает нашему идеалу. <...> Городам приходится ждать столетия, когда их общая физиономия изменится, а в это время все пошлое и вульгарное продолжает давить чувство зрителя. Вот только почему лучше было во время, когда для всех существовал известный архитектурно-художественный идеал, или, то же, шаблон, когда всякий неспособный работник, как по рецепту мог кроить приличные ренессансные фасады и когда не было того сильного ощущения индивидуальности мастера, который

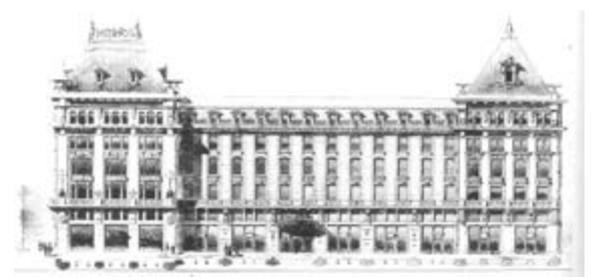
сам создает и желает передать свои субъективные понимания об искусстве и форме ему одному понятной. Не подлежит осуждению, однако, что ощущения, получаемые при удачном самородном произведении, которое стало возможно с появлением нового стиля, может быть много сильнее тех, которые могли явиться при постоянном повторении все тех же прекрасных, благородных мотивов классицизма, – конечно, в более слабой форме, чем это было во времена Анджело и Рафаэля».

У нашего Ивана было четкое представление о том, что такое архитектура. Еще на первом курсе Института гражданских инженеров (или Академии художеств) он заучил наизусть: «Архитектуру можно принимать в значении науки изящного искусства и строительного искусства... Расположение и украшение здания, относясь собственно до рисунка, составляет предмет Архитектуры начертательной. Понятия прочности, безопасности и экономии совокупляются в теории строительной» (Связев И. И. Руководство к архитектуре... (СПб., 1833). То же самое написано и в других учебниках, по которым учили архитекторов на рубеже XIX–XX веков).

Иван, чтобы стать хорошим архитектором не ограничился Санкт-Петербургским институтом гражданских инженеров. Он учился и в России, и за границей (в Парижской академии изящных искусств, Тулузской архитектурной школе, Миланской академии художеств). Мог учиться и в других учебных заведениях, но мы выбрали для него именно эти. Кстати, Моисей Яковлевич Гинзбург лет на десять позже учился в этих же заграничных академиях.

> В. Валькот. Конкурсный проект гостиницы «Метрополь». Фасад по Театральной площади. 1899

> Л. Н. Кекушев, С. С. Шущман, Н. Л. Шевяков, В. В. Воейков. Конкурсный проект гостиницы «Метрополь» под девизом «РС». Фасад по Театральной площади. 1899

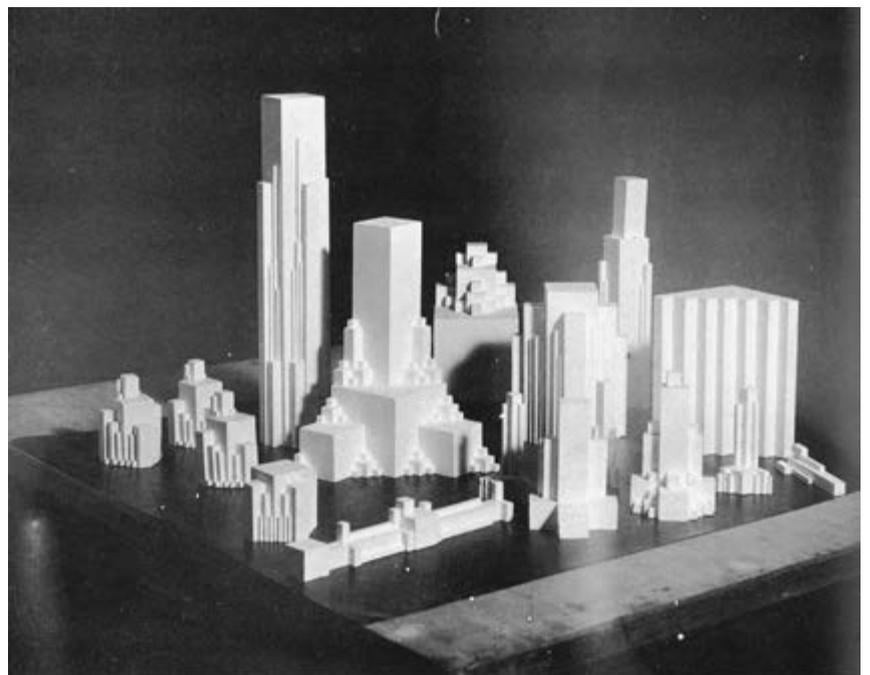
< Николай Ладовский. Вестибюль станции «Красные ворота». 1935

Иван работал ни один год помощником в мастерских практикующих архитекторов. Прекрасно разбирался в тончайших нюансах стилей. Хорошо умел рисовать. На практике постиг премудрости строительного производства, понимал толк в конструкциях и расчетах нагрузок. Верил в технический прогресс. Увлекался (или не увлекался, что редкость) модерном (сецессионом, ар-нуво). Был начитан. Интересовался литературой и философией. Любил Бальмонта и Блока. Читал Ницше и Шопенгауера в оригинале, восхищался смелостью их суждений, но не верил, что «Бог умер» и Европа переживает свой закат. Знал немного из греческого и латыни (в пределах гимназического курса). Ходил на публичные лекции Густава Густавовича Шпета. Посещал театры и концерты. Имел суждения о Станиславском, Евреинове, Мейерхольде, Рахманинове, Баксте... Его трогала красота Веры Холодной. Он умел играть на фортепьяно. Элегантно одевался. Желал обновления России, но опасался «грядущего Хама». Много видел. Изучал историю архитектуры не по мутным фотографиям и увражам, а путешествуя по свету. К сорока годам был уважаемым, состоятельным человеком. Водил автомобиль. Имел представление о том, что красиво, что безобразно. Любил ампирную мебель из карельской березы и картины в тяжелых позолоченных рамах. Собрал хорошую библиотеку. Читал по-немецки сочинения Г. Вельфлина, А. Ригля и Г. Зедльмайера. Мог не соглашаться (или соглашаться) с Алоизом Риглем по поводу его идеи, что каждая нация имеет «художественную волю». Считал, что молодой Людвиг Мис ван дер Роз мог бы для Алоиза Ригля и интереснее дом построить. Знал о новейших достижениях физики, Эйнштейне и энергетических теориях. Удивлялся концепции «всеобщей организационной науки» Александра Богданова-Малиновского. Слышал о Зигмунде Фрейде. Толковал с коллегами о бессознательном. Знал о Марксе и марксистах. Осуждал бомбистов, но презирал власть. В общем-то, времени у него не хватало, чтобы чем-то, кроме архитектуры, глубоко заниматься. Забот было много: проекты, подрядчики, заказчики, стройки, семья... Конечно, он хотел, чтобы его сыночек Ванечка получил хорошее образование и тоже стал архитектором.

Но вот беда – Первая мировая война и революция в России. Уплотнения, голод, стрельба на улицах. Красный террор. Отсутствие работы. Затем НЭП. Нужно как-то жить и сыну где-то учиться. Все разрушено.

Где можно в советской России получить архитектурное образование? Не к немцам же мальчику ехать. К тому же это и невозможно. Да и у них, у немцев, не все ладно. В Веймаре Баухаус открыли. Русские авангардисты им подражают. Вот и Франц Осипович Шехтель лекции о синтезе искусств читал в Первых свободных государственных художественных мастерских. Свободных от чего? От азов профессии? Как там у них в манифесте Веймарского Баухауса: «Давайте создадим новую гильдию ремесленников без классовых различий. Давайте вместе придумаем и построим новое здание будущего, в котором архитектура, скульптура и живопись сольются в единое целое и

в К. Малевич. Вертикальные архитекторы. Профилировка Н. Суетина. Гипс. 1929–1931

^ К. С. Алабян. Неосуществленный проект Театра Советской армии

которое руки миллионов рабочих поднимут к небесам как хрустальный символ новой веры». Возрождение масонских традиций, что ли? Так и без чертежей, и без расчетов скоро обходиться начнут. Bauhaus – Bauhutte? Туда же. Масы. Мастера – подмастерья. Синтез искусств.

ЖИВСКУЛЬПТАРХ. ОБМАС. ВХУТЕМАС. Запутаться. Кто там преподает на архитектурном факультете? Чему учат? И. В. Жолтовский – да, мастер. А. В. Щусев – прекрасно. Чему может научить Виктор Веснин? Что могут о живописи сказать Василий Кандинский и Казимир Малевич? Все очень сомнительно. Супрематизм? Беспредметное искусство? Новый мир... Новый человек... Вон он, новый человек, по улицам с револьвером ходит. Павел Флоренский? София Премудрость Божия? Да, как говорят, «у водораздела мысли».

Что знал и умел сын Ивана Гансовича?

Ванечка получил хорошее домашнее и гимназическое образование. Его учили музыке, рисованию, языкам. Он увлекался теннисом. Зачитывался Генриком Ибсенем и Оскаром Уайльдом. Работал в мастерской отца чертежником, помогал ему на стройках. К революции отнесся восторженно. Грезил футуризмом и новым искусством. Восхищался Райтом и Корбюзье. Презирал эклектику. Решил учиться во ВХУТЕМАСе. Поступил в мастерскую к Николаю Ладовскому. Иван Гансович ворчал: «Что за пропедевтика. Почему архитектуре не учат?» К ужасу отца, рисовал, как зачарованный, какие-то кубы, цилиндры, шары... «Выявлял» под руководством своих учителей ритм, тектонику, массу, пространство... Рассуждал о психологии и всеобщем законе экономии энергии, о расчленении и синтезе... Мечтал познакомиться с Пикассо. Вельфлина не читал. Штудировал по ночам «Тектологию» Александра Богданова...

Пролеткульт. ЛЕФ. Массовые действия. Дзига Вертов... Сергей Эйзенштейн. Пространство, аттракционы в искусстве, параллельный монтаж. Старый Иван Гансович сокрушался: «Пространство-пространство... А что такое это пространство – сам не знает. Нарисуй прекрасный гармоничный разрез – вот тебе и пространство. А тут, в этих кубах и цилиндрах, где красота? Где изящество? Где постижение прекрасного? Игра в кубики. Глазомер разбивает в «черной комнате» своего профессора. Лучше

бы к Щусеву пошел. И научился бы чему-нибудь путному, и иронии бы набрался. Без иронии в этом мире с ума сойдешь».

Но Ивана Гансовича Ванечка не слушал. Отец, построивший двадцать домов, для него уже не был авторитетом... Обижался только, когда его Иван Гансович называл Иваном, родства не помнящим... сиротой». Пытался что-то доказывать. Говорил, что новая архитектура начнется с нуля. О космизме рассуждал, о плоскостях, уходящих в бесконечность... О смысловых координатах...

Старому Ивану Гансовичу казалось: побалуют молодые и перестанут. На бумаге их безумные мечтания останутся. Решения ведь принимают лица не слишком образованные, у которых дома коврики с замками и лебедями висят. Скоро им аскетизм наскучит и, как старухе в пушкинской сказке, «богачества» и пышности захочется.

Что случилось – то случилось. Авангардисты строили и верховодили почти десять лет. А потом, в 30-м году, их не то чтобы всех запретили – им предложили заняться наукой в объединении со странной аббревиатурой ВАНО (Всесоюзное архитектурное научное общество) и ознакомиться с историческим опытом. Говорил мудрый Иван Гансович своему сыну: изучай увражи. Как в воду глядел.

Так или иначе, эксперименты, основанные на попытке перенести на почву архитектуры выводы энергетической теории, А. Богданова и В. Оствальда, бесследно не прошли. Не прошли даром для архитектуры и конструктивистские теории жизнестроительства, и мельниковские эксперименты. Постройки и проекты советских авангардистов 20-х годов XX века стали образцами стиля, который называют конструктивизмом, не особенно разбираясь в тонкостях авангардистских направлений и теорий. Вслед за конструктивизмом было 30 лет «косвенного наследия» – сталинский ампир.

В 1934 году ученики и сподвижники Николая Ладовского В. Ф. Кринский, И. В. Ламцов и М. А. Туркус выпустили с покаянным предисловием книгу «Элементы архитектурно-пространственной композиции» с мутными фотографиями исторических памятников. И – о, смелость! – рядом со схемой палатки Вальмарана поместили фотографию дома в Штутгарде Корбюзье, Днепрогэс,

^ В. А. Павлов. Жилой дом ВСЖД по ул. Российской в Иркутске. 1986

^ Московский постмодерн

Весниных, мельниковский клуб на Стромынке в Москве. Правда, стыдливо имя авторов советских построек забыли указать. Вот и на страницах 94–95 с одной стороны – палаццо Дожей в Венеции, с другой стороны – Голосовский клуб на Лесной в Москве... В чем же каялись авторы, почему проявили такую забывчивость имен своих товарищей: конечно, в формализме и недопонимании значения изучения исторического наследия. Нет, они исправились и зареклись вспоминать о ВХУТЕМАСе. В предисловии у них указан только ВХУТЕИН (Высший художественно-технический институт, образованный в 1926 году на базе ВХУТЕМАСа). Экая забывчивость, неужели авторы не знали, что в 1923 году ВХУТЕИНА еще не было? Могли бы у Н. А. Ладовского спросить. Еще жив тогда был их учитель (умер в 1941 году).

Ванечка во ВХУТЕМАСе чему-то научился. Потом исправно читал журнал «Современная архитектура» Моисея Гинзбурга, пока он выходил (1926–1930 годы), затем «пересмотрел свои позиции» и в начале 30-х стал изучать наконец книги Ивана Гансовича. Потом, в зрелом возрасте, ему вновь пришлось вспоминать абстрактные композиции из глины, доставать из сундука журналы «Современная архитектура» и... учиться формализму на Западе. Хорошо, что кукуруза в стране не прижилась: он ее не любил. Увы, целостного и ясного представления о том, что такое архитектура, после стольких перипетий у него не сложилось. Слово «излишество» он ненавидел. Считал, что задача архитектуры – организация пространства

Что знал и умел внук Ивана Гансовича?

Внук Ивана Гансовича учился в МАРХИ у престарелого Михаила Александровича Туркуса. Он учил его чертить архитектурные ордера, делать отмычки фрагментов, разрезов, планов и перспектив архитектурных шедевров. У Бархина он осваивал проектирование, увлекался НЭРом. Неплохо рисовал. Любил большой теннис. Листал дедовские и отцовские книги. Верил в возможность проектирования без прототипов и в семиотику. Читал Юрия Лотмана. С придыханием говорил слово «среда». Что-то переводил из журнала L'architecture d'aujourd'hui... Слушал The Beatles, Pink Floyd и Rolling Stones... Толковал

об энергетике пространства... Иногда спрашивал отца о ВХУТЕМАСе. После окончания института проектировал панельные микрорайоны и типовые турбазы... По вечерам чертил конкурсные проекты. Старое дедовское фортепьяно не открывал с детства, брэнчал на гитаре. Философией не интересовался, любил стихи Андрея Вознесенского и турпоходы... Портил глаза, разбирая тексты Стругацких с бледных фотографий. Что-то читал из самиздата, ходил в Ленком. Слушал Моцарта. Слыл интеллигентным человеком. Повесил дореволюционный портрет прадеда над рабочим столом. Денег у него никогда не было, и за границу он не ездил. Однако любил рассуждать Райте и Корбюзье. Филиппа Джонсона не уважал. Мис ван дер Роэ ему казался слишком сухим. Луис Кан завораживал. Другой профессии для своего сына, кроме архитектуры, он не представлял.

Что знал и умел правнук Ивана Гансовича?

Правнук Ивана Гансовича поступил в МАРХИ в начале XXI века. Он изучал все те же, пусть и несколько видоизмененные, «элементы архитектурно-пространственной композиции», но не понимал зачем нужно клеить какие-то бумажки, когда на компьютере все делается быстрее, нагляднее и чище... Уважал Илью Георгиевича Лажаву, но на его лекции ходил редко. Рисовать не научился. Экзамены по строительным конструкциям сдавал с трудом. Увлекался постмодерном и деконструктивизмом. Любил Заху Хадид и Фрэнка Гери. Играл на прадедовском фортепьяно джазовые композиции. Ездил на сборища ЕАСА (Европейская ассамблея студентов-архитекторов). Неплохо зарабатывал, делая интерьеры богатым заказчикам в стиле неоклассики. Говорил, что любит Умберто Эко, но читал в основном фэнтези и детективы. Шатался с друзьями по всему миру и изредка открывал прадедовские книги, когда нужно было найти, как рисовать ту или иную деталь. Отца совершенно не понимал, хотя работал в его мастерской. Отцовские рассуждения о пространстве и архитектурной семиотике не любил. Зарабатывать деньги эти рассуждения не помогали. А старые уражи помогали. Вслед за Робертом Вентури считал, что архитектура – укрытие с декорацией на нем. Его сын еще маленький мальчик...